

**Л.Н. ТОЛСТОЙ О ГАРМОНИИ РЕЛИГИИ И НАУКИ**

**Идейные конструкции В.С. Соловьева и Ф.М. Достоевского не затрагивали кардинальных устоев православного вероучения, а касались лишь формы культовой практики. Священные догмы остались неприкосновенными. Поэтому церковь не видела в распространении их взглядов какой-либо опасности и угрозы. Совершенно другое отношение наблюдается у православных священнослужителей к идеям Л.Н. Толстого. Его предложения по гармонизации науки и религии вызвали в стане российских теологов гнев и возмущение, что вылилось в отлучение писателя от официальной церкви.**

История взаимодействия религии и науки богата разнообразными событиями. Причем в каждый исторический промежуток развития социума отношения между ними представлены особой парадигмой. В Европе и России было время, когда религия безраздельно властвовала над поведением и умами людей. Она пронизывала все сферы человеческого бытия, регулировала жизнедеятельность каждого индивидуума, начиная с момента его появления на свет и кончая смертью. Любое инакомыслие, формулирование научных идей, объективная интерпретация действительности не допускались даже на порог, а их творцы подвергались преследованиям и остракизму. Достаточно вспомнить деяния европейской инквизиции и двухсотлетние гонения старообрядцев в православной Руси. Ни о каком мирном сожительстве науки и религии в те времена не могло быть и речи. Став государственным идеологическим придатком, христианская религия жестоко подавляла своих идейных оппонентов.

В период социалистического строительства и господства командно-административной системы в нашей стране мы встречаемся с прямо противоположной ситуацией. Священнослужители подверглись репрессиям: ссылкам и расстрелам – как классово чуждые элементы. Священные храмы разрушались или превращались в хозяйственные помещения, используемые для различного назначения, вплоть до содержания конюшен или тюрем для заключенных. Религия была объявлена опиумом для народа, которую следует всячески искоренять как враждебное явление. На государственном уровне ставилась задача: заменить ее марксизмом-ленинизмом как научным мировоззрением. Наука в это время превратилась в ведущую производительную силу и в основ-

ное идеологическое орудие. Она стала претендовать на главную руководящую роль даже в повседневном поведении. К чему это привело, общеизвестно – к появлению глобальных проблем выживания человечества и к краху идеологии воинствующего атеизма. Теперь уже каждому ясно, что и первый и второй сценарии не жизнеспособны, что это были самые крайние и взаимоисключающие полюсы. Религия и наука обречены существовать вместе и по мере возможности стараться гармонизировать свое сожительство. На этапе вступления в третье тысячелетие толерантность отношений этих двух форм общественного сознания – категорическое веление времени.

То, что отношение между наукой и религией должно быть пересмотрено и отрегулировано, осознали многие лучшие умы человечества еще в период острого противостояния этих двух форм духовной деятельности. Самые древние попытки внести изменения в существующий статус-кво зафиксированы уже в поздней схоластике и при выходе в свет трудов Фомы Аквинского. И до сих пор стремления гармонизировать бытие науки и религии не сходят с исторической сцены. Актуальны они и поныне как в нашей стране, так и в ближнем и дальнем зарубежье. Острая необходимость в устранении противоборства – почти повсеместное естественное явление. Большая часть человечества переходит сегодня на индустриальную стадию развития, которая предполагает всестороннее преобразование традиционного социального устройства. Успешность перестройки напрямую зависит от создания климата доверия и уважительности в отношениях между творцами научной, религиозной, моральной и эстетической продукции.

В России интерес к данной проблеме пробудился в пореформенную эпоху. После отме-

ны крепостного права народившаяся новая страна настоятельно потребовала переосмыслить место и роль научных и религиозных институтов в изменившемся государственном организме. Решение этой непростой задачи легло на плечи российской интеллигенции. Именно она, выполняя в социуме идеологическую функцию, была ответственной за духовное воспитание населения, за его пробуждение к национальной жизни. Однако единство в ее рядах отсутствовало; каждый отряд имел собственные мировоззренческие установки. Социальная дифференциация внутри этого общественного слоя способствовала формированию различных идейных течений. Среди них особо нужно выделить сторонников либерального крыла, которые выступали за изменение существующей религии и установление гармонии между религиозными образами и научными представлениями. Представители других течений лишь подливали масла в огонь и обостряли конфликт между главными идеологическими силами. Они не внесли заметной лепты в процесс урегулирования конфронтационного поведения.

Либеральное течение было неоднородным. В нем четко обозначились три главные фигуры, предложившие собственное видение гармоничного сочетания важнейших отраслей духовной деятельности. Каждый автор представил на суд просвещенной публики свое оригинальное прочтение стоящей проблемы и свой путь ее разрешения. Пожалуй, наибольшим пиететом пользовалось творчество Ф.М. Достоевского. Описывая особенности конструктивного подхода этого русского мыслителя, Д.С. Мережковский писал: «Не в отвлеченных умозрениях, а в точных достойной современной науки опытах над человеческими душами показал Достоевский, что всемирно-историческая работа, начавшаяся с Возрождения и Реформации, работа исключительно-научной, критической, разлагающей мысли, если не завершилась, то уже завершается, что эта «дорога вся *до конца* пройдена, так что дальше идти некуда», что не только Россия, но и вся Европа «дошла до какой-то окончательной точки и колеблется над бездною» [1. С. 188].

Единственный выход из создавшегося положения Ф.М. Достоевский видел в пропаган-

де среди людей любви ко всему живущему, в сохранении и развитии иноческой формы служения Всевышнему. Именно иночество представлялось ему главным хранилищем высшей ступени православного бытия, духовного лика Божьего и Его правды. У русских иноков, по мнению писателя, жизнь протекает исключительно свято, так как они целиком посвящают ее исполнению Христовых заповедей. Только такой «иноческий путь» – путь уединения, послушания и отбрасывания всех других земных потребностей может дать позитивный результат: позволит утвердиться в истинной православной вере. Пример этому – бытие старца Зосимы, являющегося, по-видимому, собирательным образом отшельников, живших в Оптиной пустыни и в других подобных местах необъятной матушки-Руси. Отшельничество не есть изобретение святых пастырей русской церкви. Оно зародилось еще на заре христианства и существовало наряду с первыми многочисленными христианскими общинами. В Европе с ее скученностью населения на ограниченном пространстве этот религиозный уникальный феномен к XVII веку почти исчез, тогда как на российских просторах и в XIX веке для его существования сохранялись прекрасные условия. Так что в своих исканиях Ф.М. Достоевский мог беспрепятственно обращаться к многовековому опыту отшельнического общения с простыми верующими и черпать из него полезные сведения.

На Западе, пишет русский писатель, руководствуются наукой, «а в науке лишь то, что подвержено чувствам. Мир же духовный, высшая половина существа человеческого отвергнута вовсе, изгнана с неким торжеством, даже с ненавистью. Провозгласили мир свободы, в последнее время особенно, и что же мы видим в этой свободе ихней: одно лишь рабство и самоубийство» [2. С. 352]. Ф.М. Достоевский искренне убежден, что лишь при том условии, что духовная религиозная жизнь получит в нашей стране достаточно широкое распространение, улучшатся условия и для бурного развития науки, экономики и других сторон социального организма. Русский народ займет лидирующее место среди всех народов земли, а в мире установится подлинное братство и истинная свобода. Мысль об исторической миссии россиян

в деле достижения среди людей всеединения, всепримиримости, всечеловечности, как отмечает В.И. Копалов, проходит красной нитью через все творчество нашего великого соотечественника [3. С. 53].

Большой резонанс в русском пореформенном сообществе получили также идеи В.С. Соловьева, выступившего с собственной программой закономерного соединения религии и науки. Анализируя положение дел с этими духовными сферами в странах Западной Европы, этот русский философ писал, что под напором научного знания и политических потрясений «старое религиозное мировоззрение утратило всякий действительный смысл для большинства образованных людей... а в массах превратилось в безжизненное, исключительно на бытовой привычке основанное суеверие» [4. С. 121]. Пальма первенства в постижении абсолютного перешла от религии к философии. Поиск любознательных достиг своего апогея в философии Гегеля – вершине европейской мысли. Однако в гегелевской доктрине все богатство мира и его широчайшее разнообразие свелось к простому понятию. Непосредственным творцом действительности предстал познающий субъект. В дополнение к этой безрадостной картине в философии Фейербаха Бог превратился в обычного человека. Духовная жизнь Запада вступила в полосу кризиса.

Преодолеть возникший кризис, по убеждению В.С. Соловьева, вполне возможно. Залогом этого являются последние, заключительные попытки европейских философов постичь трансцендентное и включить его в ткань философских построений. Как раз такого рода усилия можно обнаружить в учениях А. Шопенгауэра и Н. Гартмана. Эта «новейшая философия, – указывает русский мыслитель, – с логическим совершенством *западной формы* стремится соединить *полноту содержания духовных созерцаний Востока*» [4. С. 151]. Иными словами, она с помощью рациональных познавательных средств проникает в глубины религиозных мистических образов. Наука и философия протягивают здесь руку религии. Философ убежден, что дальнейшее продвижение к тесному союзу этих духовных сфер общественной жизни в конечном счете должно увенчаться успехом. Для этого получение *«универсального синтеза науки,*

философии и религии, – первые и далеко еще не совершенные начала которого мы имеем в философии сверхсознательного, – должно быть высшей целью и последним результатом умственного развития. Достижение этой цели будет восстановлением совершенного внутреннего *единства умственного мира* во исполнение завета древней мудрости» [4. С. 151]. Только тогда наступит настоящая гармония между главными отраслями человеческого духа. На земле воцарится вселенская теократия, что приведет к появлению Богочеловечества.

Думается, вряд ли кто будет оспаривать своеобразие и неповторимость концепций, предложенных обоими корифеями русской духовной культуры. И неслучайно их творческое наследие получило широкое признание в кругах российской интеллигенции. Ф.М. Достоевский, используя литературные средства, показал пути толерантного сосуществования религии и науки через глубокое проникновение во внутренний мир человека. В.С. Соловьев, будучи философом, решил эту же задачу через тщательное исследование всей предшествующей философской мысли. Следует подчеркнуть, что хотя разработанные ими проекты достижения единства «умственного мира» качественно отличались друг от друга, они, тем не менее, содержали в себе одну общую примечательную особенность. Обе идейные конструкции не затрагивали кардинальных устоев православного вероучения, а касались лишь формы культовой практики. Священные догмы не испытали критического буйства их пера и остались неприкосновенными. Спор велся лишь о том, как легче и правильнее донести истины откровения до верующей людской массы. Поэтому церковь не видела в распространении их взглядов какой-либо опасности и угрозы.

Совершенно другое отношение наблюдается у православных священнослужителей к идеям Л.Н. Толстого. В отличие от других соратников по реформаторскому цеху он подвергся острой критике и преследованиям за свои религиозные новации. Его предложения по гармонизации науки и религии вызвали в стане российских теологов гнев и возмущение, что вылилось в отлучение писателя от официальной церкви. В наши дни кипят споры о том, было или не было это действие со стороны Священного Синода, что

никто якобы не видел подлинных документов, подтверждающих данный акт, так что, может, их никогда и не было. Виноват во всем будто бы сам Л.Н. Толстой, прервавший всякую связь с церковными учреждениями вследствие возникшей у него гордыни. Выдвигаются даже версии, что в конце жизни писатель усомнился в правильности своего учения и осознал пагубность собственного поведения по отношению к святому престолу. Он попытался вернуться в лоно церкви, уйдя из дома с подобными намерениями в направлении Оптиной пустыни, но не успел этого сделать, так как умер на станции Астапово Рязанской губернии. Несостоявшееся раскаяние и привело к тому, что похоронили великого сына России без церковных церемоний и ритуалов и не на кладбище, а в собственном имении. Авторы данных версий абсолютно не смущают те последние предсмертные слова, сказанные Л.Н. Толстым старшему сыну Сергею и приведенные в воспоминаниях дочери: «Сережа! Я люблю истину... Очень... люблю истину» [5. С. 412]. О каком примирении умирающего с мифологическими и мистическими воззрениями теологов можно говорить после приведенных слов – известно одному Богу.

Отчего же высший руководящий орган православия не захотел простить великого писателя? Отчего он отказал отступнику в восстановлении доброго имени христианина? Почему церковное руководство даже теперь, когда Льва Николаевича давно уже нет в живых, хранит упорное молчание по вопросу прощения его грехов и занесения в списки послушников православной церкви? Ведь такие требования постоянно выдвигаются в нынешнем российском обществе. Так фактически в каждый юбилей жизни творца «Войны и мира» в его усадьбе собираются российские и зарубежные литераторы и из их уст громко звучат призывы к церковной иерархии принять заблудшего в православную общину. Есть и еще одно немаловажное обстоятельство. В кругах современных моралистов и философов мощно заявила о себе целая группа ученых, доказывающих, что по большому счету Л.Н. Толстой не разошелся с православием, что в разработанной концепции он «продолжает русскую традицию цельного духовного знания, ярко выраженную в славянофильстве» [6. С. 11]. Куда уж дальше, ведь от славянофильства к православным догмам ру-

кой подать. Однако все эти пожелания пищевой братии какого-либо реального воздействия не возымели и остались гласом вопиющего в пустыне. Официальная русская церковь ограничилась признанием заслуг Л.Н. Толстого перед Отечеством только на уровне частного мнения отдельных ее членов. По-видимому, приводимые аргументы новейших исследователей толстовской трактовки религии православный клир не убедили. Их оказалось явно недостаточно, чтобы изменить однажды вынесенный приговор.

В чем же причины такой «твердолобости» высших церковных чинов? Ответ, как мне кажется, очень простой. Толстовская программа гармонизации святых и научных истин имела чрезвычайно радикальный характер. Она содержала в себе полную секуляризацию религиозного бытия. До подобного обмирщения религии не дошла (даже и в наши дни) ни одна из ветвей христианства, не только православие, но и католичество и протестантство. Суть этой программы в том, что она предполагает разворот религиозной формы общественного сознания на сто восемьдесят градусов. Религия, согласно российскому реформатору, должна спуститься с небес на грешную землю. Ее истинное предназначение вовсе не состоит в том, чтобы навязывать людям бесплодные мифические образы. Оно заключается в том, чтобы открывать верующим земной смысл жизни, звать их к моральному совершенствованию в общественных делах и поступках. На долю помазанников Божьих остается бытие простых проповедников слова Божьего. Прежняя многовековая функция, быть постоянными поводырями каждого человека в потустороннем мире, бесследно исчезает. Собственно, это и предопределило опалу яснополянского дворянина и его учения. Версия Л.Н. Толстого о благотворном мире между религией и наукой позитивной поддержки не получила, да и получить не могла.

Свои крамольные идеи Л.Н. Толстой, как и другие наши либералы, излагает в литературной и философской форме. Этим он почти не отличается от них. Что же касается содержательной стороны, то здесь между ними налицо явное различие. Яснополянский реформатор православной доктрины избирает дру-

гую, самостоятельную дорогу. Предметом его пристального внимания становится непосредственно сама религия как особый продукт общественного сознания. В ее многочисленных проявлениях русский писатель ищет подтверждение возникших у него мыслей. В ходе поиска, обобщив огромный фактический материал, он приходит к выводу, что «религиозные и философские учения всех народов, за исключением философских учений псевдохристианского мира, все, которые мы знаем: иудаизм, конфуцианство, буддизм, браманизм, греческая мудрость, – все учения имеют целью устроительство жизни людской и уяснение людям того, как каждый должен стремиться к тому, чтобы быть и жить лучше» [7. С. 379].

Религия и наука, как человеческие творения, и должны, с точки зрения великого певца земли русской, следовать в вышеуказанном направлении – открывать и прокладывать людям истинный путь к наилучшему обустройству земной обители. Для этого каждая из отраслей духовного производства должна четко уяснить свое место и предназначение. Богу нужно отдать богово, а кесарю – кесарево. Каждая из них призвана решать самобытные вопросы, задаваемые жизнью. Религия должна освещать коренные проблемы человеческого бытия, а наука – совершать открытия, улучшающие наши взаимоотношения с обществом и природой. Когда же они берутся исполнять функции неподвластного им ведомства, то из этого ничего хорошего не возникает, да и возникнуть не может. Истины, которые они открывают, и применяемые средства у них принципиально различны.

Л.Н. Толстой не просто постулирует приведенные утверждения. Он детально разбирает структурные компоненты научных и религиозных построений, демонстрирует их истинные возможности. Все науки русский мудрец подразделяет на две сферы: 1) науки, базирующиеся на опыте и отыскивающие основные причины явлений живой и неживой природы; 2) науки социальные, политические, исторические, исследующие главные грани людской жизни. Опытные науки изучают природу с целью отыскать ее законы. Знание законов открывает дорогу к созданию новых машин и технологий для получения все большей

массы инструментальных и терминальных ценностей. Предметом исследования этих естественных наук являются конкретные частные стороны окружающего мира. Когда же эти науки отходят от своего предназначения и берутся за рассмотрение конечных причин, например за определение смысла человеческой жизни, то из этого получается просто чепуха. В качестве примера Л.Н. Толстой приводит очень популярную тогда оценку теории Ч. Дарвина о естественном и искусственном отборе. В выводах английского ученого о происхождении и развитии живых организмов зачастую видели научное объяснение сущности социальных отношений. «Дарвина, – пишет он, – считают философом, мудрецом, открывшим важный закон. А между тем, весь закон его состоит в том, что он вместо: *для чего?* сказал: *почему?*» [8. С. 154]. Вопросы же: зачем я живу, что мне делать, связанные с уяснением смысла нашей жизни, остались в этом учении без ответа. Вообще опытная наука никогда не сможет ответить на такие вопросы, поскольку объять бесконечное и вечное опытными средствами невозможно.

Науки социальные: социология, политология, правоведение и другие – тоже не в состоянии разрешить глубинные проблемы общественных деяний и стать для конкретного индивидуума руководством к действию. Чтобы доказать этот тезис, русский мыслитель проводит критический анализ социологического учения О. Конта, претендовавшего на объективную интерпретацию социальной действительности. Современные люди, указывает Л.Н. Толстой, думают, что «только социология, основанная на биологии, основанной на всех позитивных науках, может дать нам новые законы жизни человечества. Человечество как общества человеческие суть организмы, готовые или еще образующиеся и подчиняющиеся всем законам эволюции организмов» [9. С. 330]. Но это учение об обществе как живом организме оправдывает разделение труда на умственный труд и труд физический, а также расслоение людей на богатых и бедных. Иначе говоря, оно обслуживает интересы власть имущих. Вопросы же праведной жизни каждого отдельного человека, его стремлений к лучшему остаются в нем без ответа.

И только философия, как самая умозрительная из наук, имеет в своем ведении суждения о бесконечном и абсолютном. Пытаясь дать им четкое обоснование, она, несомненно, выходит к глубинным характеристикам человеческого бытия. Больше того, подчеркивает российский мудрец, как раз эти проблемы становятся для нее самыми насущными. Тем не менее, и философия, по мнению яснополянского графа, бессильна, когда стремится решить сущностные вопросы, ответы на которые лежат в трансцендентной области. Об этом свидетельствуют идейные искания Сократа и Канта. Оба этих философа пришли к заключению об ограниченности философского знания. «Я знаю, что ничего не знаю», – убеждал Сократ афинских граждан в своих проповедях. Ответы И. Канта на вопросы «Что я могу знать? Что я должен делать? На что я могу надеяться?» [10. С. 661] тоже содержат аналогичные признания. Немецкий мыслитель нашел, что наш разум может ответить на эти вопросы только паралогизмами, антиномиями и идеалами. Руководствуясь этими выводами известных философов, российский писатель резонно утверждает, что когда философия очень строго подходит к решению жизненно важных проблем, то она приходит к однозначному ответу: не знаю. Кратко говоря, и философия так и не добирается до истины. Рассматривая толстовскую характеристику всех отраслей научного знания, можно сказать, что он отказывает науке в деле наилучшего обустройства основных отправлений людской практической жизни. По его мнению, эта отрасль человеческого духа должна отказаться от бесплодных притязаний, а заниматься тем, к чему предназначена. Это и будет с ее стороны самым верным шагом по направлению к бесконфликтному сосуществованию с другими формами общественного сознания. Не вмешиваясь в чужую епархию, наука достигнет более плодотворных результатов в освоении действительности.

Единственно возможное решение проблемы смысла человеческой жизни, с точки зрения Л.Н. Толстого, находится лишь в сфере религии. Не на путях знания, а на путях веры можно прояснить нашу вечную и кардинальную проблему. Научный подход здесь бесполезен. Прав-

да, в том виде, в котором существует современная христианская религия, она, по убеждению писателя, не справляется с возложенной на нее миссией. Нынешнее христианское вероисповедание отягощено средневековыми пережитками и извращено в угоду церковной верхушке. Разве может образованный человек считать достоверным, что для приобщения к учению И. Христа необходимо вкушать от Его тела и пить Его кровь. Это чистой воды каннибализм. Вера в этой религии – всего лишь доверие. «И это-то доверие, – подчеркивает яснополянский дворянин, – назвав его верою, мы возводим во что-то священное и всеми средствами – насильем, действием на чувства, угрозами, лестью, обманом – заманиваем к этому ложному доверию» [7. С. 410-411].

Сам по себе тезис, что существующее официальное христианство извращено, – не есть, разумеется, изобретение русского мыслителя. Собственно, об этом же писали еще Ф. М. Вольтер, Ж.-Ж. Руссо, И. Кант и другие европейские и русские философы. Но ни один из них не обратился непосредственно к главной святыне христианства – Библии, чтобы аргументировать свои утверждения. Л.Н. Толстой предпринял столь грандиозное действие. Он осуществляет новый перевод 4-х Евангелий и показывает, что весь, по его выражению, «псевдохристианский» мир не следует в своей деятельности заповедям Спасителя. Отсюда и проистекают все беды нашего бытия, наполненного не стремлениями к добру, а злыми помыслами. Преодолеть зло в мире должна помочь истинная религия. Основы ее поведал нам И. Христос в своих проповедях еще в далеком прошлом. Однако мы до сих пор не следуем его учению.

Шаг за шагом, подробно разбирая почти каждое значимое положение Евангелий, русский мыслитель показывает гуманистический смысл Христовых заповедей. Он утверждает, что учение И. Христа просто и доступно для понимания каждого разумного индивидуума. Но люди отвернулись от него и предпочитают руководствоваться в своей жизни различными соблазнами. Церковь же вместо того, чтобы разъяснять Христовы истины, к чему она предназначена, занимается совершенно другими делами: исполнением никому не нужных таинств. Она сама стремится сохранить

и приумножить человеческие соблазны. «...Самый лютый соблазн, – подчеркивает Л.Н. Толстой, – учителей веры, называющих себя православными. Берегитесь этого соблазна более всех других, потому что они-то, эти самозванные учителя, придумав ложное богопочитание, отманивают вас от истинного Бога» [11. С. 896].

Жизнь в Боге – смысл жизни каждого человека и всего человечества. Когда люди изменят языческое жизнепонимание на Христово жизнепонимание, тогда-то и наступит подлинная гармония между религией и наукой. Каждая из этих духовных сфер будет выполнять свое земное предназначение.

**Список использованной литературы:**

1. Мережковский Д.С. Творчество Л. Толстого и Ф. Достоевского // Мережковский Д.С. Полн. собр. соч. В 28-ми т. М., 1914. Т. 10.
2. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 15-ти т. М., 1991. Т. 9.
3. Копалов В.И. Курс лекций по русской философии истории. Екатеринбург, 2005.
4. Соловьев В.С. Кризис западной философии // Собрание сочинений В.С. Соловьева в 8-ми т. Т. 1. Брюссель, 1966.
5. Сухотина-Толстая Т.Л. Воспоминания. М., 1980.
6. Мелешко Е.Д., Гусова С.А. Моральная философия Л.Н. Толстого. Тула, 2005.
7. Толстой Л.Н. В чем моя вера // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. М., 1957. Т. 23.
8. Толстой Л.Н. Философский дневник. 1901 – 1910. М., 2003.
9. Толстой Л.Н. О переписи в Москве // Л.Н. Толстой. Полн. собр. соч. М., 1939. Т. 25.
10. Кант И. Сочинения в шести томах. М., 1964. Т. 3.
11. Толстой Л.Н. Краткое изложение Евангелия // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. М., 1957. Т. 24.